

Алексей Олейников

ВЕЛЬКИНО ДЕТСТВО

иллюстрации
Полины Бахтиной

Алексей Александрович Олейников

Велькино детство

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7486530

Олейников А. А. Велькино детство.: Книгарь; Москва; 2015

ISBN 978-5-904691-12-7

Аннотация

Книга рассказывает о приключениях мальчика Вельки в южной деревеньке под Ростовом, где он проводит каникулы у бабушки. Велька то и дело попадает в переделки, находит новых друзей, спасает нутрий, летает на бичке и даже случайно поджигает далёкую южноамериканскую страну Уругвай.

В 2007 году сборник рассказов «Велькино детство» стал лауреатом национальной детской литературной премии «Заветная мечта».

Содержание

Птица Жалейка	5
Бабка-смерть	13
Как Уругвай сгорел	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Алексей Олейников

Велькино детство

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках федеральной целевой программы «Культура России».

© Олейников А.А., текст, 2014

© Бахтина П.В., иллюстрации, 2014

© Издательство «Книгарь», 2015

Птица Жалейка

Велька плакал. Горько-горько взхлёб плакал, обхватив острые исцарапанные коленки руками и опустив на них голову, и не было в этот момент человека несчастнее его на белом свете. Острые его локотки, все в подживающих ссадинах, вздрагивали от безутешного рыдания, и издали, с того берега реки, могло в наступающих сумерках привидеться, будто это большой птенец какой-то чудной птицы выпал из гнезда и теперь силится взлететь, качаясь на куцых палках

ножек и взмахивая малюсенькими, ещё голыми начатками крыльев. Но никого на том берегу не было, луг давно опустел, колхозный пастух Степан уже погнал стадо домой, и багровеющее солнце уже наполовину нанизалось на чёрные зубцы далёкого леса.

От такого беспримерного одиночества Вельке стало ещё тоскливее и горше, он бы зарыдал ещё пуще, да только уж не мог и оттого стал тоскливо икать. Окажись рядом какая девчонка, пусть хоть даже его сестра – противная и вредная Полинка, всё равно Велька не перестал бы реветь, такая у него была серьёзная причина.

К Вельке не приехала мама. Обещала и не приехала – «не смогла билет взять», сказала бабушка, а что его брать? Подошёл к кассе и попросил. Дайте, мол, мне билет на самый быстрый поезд до Ростова. Можно подумать, все из Москвы только в Ростов и едут. Вот если бы меня мама ждала, подумалось Вельке, я бы непременно приехал. На самолёте бы

прилетел, на вертолёте. А мама не приехала. Оттого Велька и плакал, сбежав от всех, на крутом бережку речки Селинки.

Слёзы постепенно сошли на нет, а икота осталась, и Велька, икая, размышлял о своей печальной участи. «Бедный я, несчастный человек», – думал он, наблюдая, как река несёт всякий сор из детского лагеря выше по течению. «Никого-то у меня нет», – продолжил он, но тут остановился, увидев противоречие.

У него как раз были. И бабушка была, и дедушка, и даже сестра у него была – противная и вредная Полинка, которая должна была приехать с мамой. Велька почувствовал вдруг, что окажись Полинка рядом, он бы обнял её, и слова бы злого не сказал, за то что она его пластикового Супермена в форточку выкинула – посмотреть хотела, как он летает.

От такого благополучия на глазах вновь закисло слёзы, и такая жалость к себе бедному поселилась в Велькином сердце, что Селинка точно вышла бы из берегов, если бы не шёл мимо Андрейка Иванов, злейший Велькин враг, в понедельник сунувший дохлого ежа в Велькин шалаш. Хотя и Велька в долгу не остался – подрезал канат на его тарзанке над рекой, и Андрейка три дня потом сопливился. Так что ничего хорошего от него Велька не ждал.

– Кх... тью, – ошарашенно кашлянул Андрейка. Ясно было, что увидеть Вельку в таком плачевном во всех смыслах положении он совершенно не ожидал.

– Шёл бы ты, Иванов, – мрачно икнул Велька и отвернул-

ся.

– Ты... это чего? – неожиданно миролюбиво спросил Андрейка, усаживаясь рядом. – Из-за ежа, что ли?

– Да чего ёж. – Велька вдруг почувствовал жгучую потребность поделиться своей бедой, рассказать какой-нибудь живой душе, как ему плохо. – Ёж твой тут совершенно ни при чём. Я, если хочешь знать, у тебя на огороде его закопал. Мама ко мне не приехала, вот что.

– Ааа, – протянул Андрейка. – Ну, положим, ежа я давно выкопал и у тебя на заборе повесил. А вот мама не приехала – это плохо.

Он сочувственно замолчал. Смеркалось, над рекой стал подниматься туман, и ребята смотрели, как два бумажных кораблика отважно нагоняют детский носок с продранной пяткой. Из леса донёсся долгий крик какой-то проснувшейся ночной птицы, и Андрейка неожиданно сказал:

– А знаешь, у меня есть одна птица, точно для тебя.

Он порылся в кармане.

– В кармане, что ль, птица? – не понял Велька.

– Мне она без надобности, у меня мама в роддоме, а ты возьми.

Велька недоумённо повертел в руках грубую деревянную фигурку птицы с пуговками глаз и чёрной прорезью клюва.

– Не... надо дуть, – пояснил Андрейка в ответ на вялое «спасибо». Он поднёс свистульку ко рту и вылил вдруг жалобную трель, далеко прожурчавшую над водой, где струи тумана дрожали и переплетались в темнеющем воздухе.

– Что это? – от удивления у Вельки даже икота прошла.

– Это птица Жалейка. – Андрейка любовно погладил свистулю. – Возьми. Дед вырезал. Споёшь, сказал, и все печали отступают. Спой, Велька.

– Я... я не умею, – растерялся Велька.

– А тут уметь не надо.

Велька, баюкая Жалейку в ладонях, прикрыл глаза и представил себе маму – родную, любимую, без которой ему так плохо. Слезы навернулись на глаза, и в носу снова защипало, но тут Жалейка будто шевельнулась, шершавя стругаными боками ладони, и из её горла вдруг полилась песня, горькая,

жалостливая, долгая и переливчатая, поплыла над водой, над туманным лугом, в котором смутными тенями бродили лошади, над самым лесом поплыла, к остро мерцающим звёздам, унося всю печаль, всю боль и горе.

Велька не помнил, как перестал петь. Мальчики ещё посидели на бережку молча, не желая и словом нарушить слишком полную тишину, затем разом поднялись и пошли через поле, навстречу широко рассыпанным огонькам села.

У самой ограды Велькиного дома Андрейка решительно шагнул в заросли жгучей крапивы и, шипя от боли от стрекавших по ногам стеблей, снял палкой что-то чёрное с забора.

– Тимке рыжему повешу, – он перехватил повыше дурно пахнущего ежа. – Он у меня голубя скрал, зараза. Ну... давай что ли... пока, – шмыгнул он носом.

– Андрейка, ты возьми. – Велька протянул свистульку. – Ты знаешь, мне легче стало, а у тебя мама в роддоме.

Андрейка помедлил и мотнул головой:

– Неа... Дарёную Жалейку назад не берут. Деду скажу, он мне новую вырежет.

– А ругать не будет?

– За доброе не ругают, – веско ответил Андрейка и, развернувшись, пошлёпал ногами по пыльной дороге, покачивая ежом. Отойдя метров на двадцать, он остановился и сказал:

– Эта... само собой... я никому ни слова. Могила, – и уже

окончательно скрылся в тёплой летней темноте.

Велька тронул калитку, и петли жалостливо скрипнули, наполнив сердце сладкой Жалейкиной памятью, и так хорошо стало Вельке от этого звука, так радостно и светло, что он даже испугался – не потерял ли где свистулю?

Велька торопливо охлопал себя и успокоился – Жалейка надёжно приютилась в кармане. Мальчик прошёл тёмным двором, старый-престарый пёс Кардамон шевельнулся в будке, сонно узнавая его. Велька поднялся по скрипучим ступеням, открыл дверь и, не выпив и стакана молока, заботливо накрытого бабушкиной марлечкой, через минуту уже крепко спал.

А утром приехала мама.

Бабка-смерть

– Спасибо, ба. – Велька торопливо допил компот и, облизывая губы, поднялся.

– Куда ты собрался? – бабушка всплеснула руками. – А арбуз?

– Дела у меня, – лаконично ответил Велька, перелезая через стенку беседки – так короче, чем протискиваться ми-

мо Полинки, недовольно ковыряющей кашу, и быстрее, чем пробираться вдоль деда, неторопливо срезающего кожицу с огурцов тонкой зелёной стружкой.

Он решительно прошёл сквозь сад, отвешивая щелбаны махровым головкам хризантем, и только у калитки задумался – а какие у него дела? Друг Андрейка вчера уехал с отцом на рыбалку, Колька укатил в Ростов, с Тимкой рыжим Велька никогда не водился, а больше приличных людей в селе он не знал. Были, правда, всякие голопузы, вроде соседского Федьки, носящегося с галдящей оравой семилеток, но возиться с такой мелюзгой? Велька и самого-то Федьку выделял из заплётённой массы локтей, коленок и панамок лишь потому, что тот как-то бескорыстно указал ему одно место на Селинке, где водились отличные подлещики. Но сейчас... Велька оглядел напрочь пустую улицу, вздохнул, подошёл к конуре и звякнул цепью. Из глубины будки вытянулись две чёрно-мохнатые лапы, затем вынырнула страшно-кудрлатая башка и зевнула жёлтыми клыками. В глазах пса читался вопрос – зачем его разбудили в такую рань?

– Скучно мне, Кардамон, – пояснил Велька.

Пёс в ответ зевнул и, встряхнув ушами, полез обратно. Велька обиделся, упёрся ногами и потянул цепь на себя. В будке напряглись и сдавленно зарычали. С полминуты мальчик и пёс боролись, затем из будки показались лапы и рычащая голова. Когда азартный Велька выволок собаку наполовину, Кардамон умолк и поднял укоряющий взор. Велька

устыдился и отпустил цепь.

– А ещё друг человека. Собака ты, Кардамон, последняя собака после этого, – вздохнул он. Кардамон благоразумно не возражал.

Велька с тоской оглядел пустую улицу ещё раз и собрался было уже идти в дом – рисовать карандашами, как из-за поворота, вздымая пятками облачка пыли, выбежала та самая голопузая орава и на перекрёстке мальками прыснула в разные стороны. В Велькин конец, перегоняя собственную тень, мчался как раз Федька. Велька, донельзя заинтригованный, открыл калитку, и когда Федька проносился мимо, за воротник втянул его во двор.

Федька заорал дурным голосом и забился в руках не хуже подлещика.

– Тихо, тихо. Федька, это ж я. – Оторопев, Велька разжал пальцы. Федька, извернувшись ужом, отскочил в сторону.

– Ты чего?

– А... это ты, – Федька ещё одурелыми глазами глянул на него.

– А то кто же? Ты чего такой?

– Я... эта, – Федька огляделся, и хотя кругом никого не было, кроме Кардамона, высунувшего на Федькины крики из будки свой нос, перешёл на шёпот:

– Ты... эта никому не скажешь?

– Да чтоб мне провалиться, – закивал заинтригованный Велька.

Федька облизал губы.

– Мы на кладбище были.

– И что? Днём туда каждый дурак может сходить, – усмехнулся Велька.

– Ага, днём, а вчера в полночь не хочешь? – парировал Федька. – Тебе-то слабо?

– Слышь, малёк, чего я там забыл? – Велька нацелился было отвесить ему подзатыльник, но Федька округлил глаза и рыбкой нырнул в куст сирени.

– Ты чего? – Велька ошарашенно подошёл к сирени, не зная, что и думать. С Федькой явно творилось что-то неладное. – Я пошутил. Вылазь, Федь. Там мурашей полно. Федь?!

– Тихо ты! – яростным шёпотом откликнулся Федька. – Вон она идёт.

– Да кто она, Федь?! – жалобно спросил Велька, всё больше убеждаясь, что с пацаном чего-то приключилось. – Вылазь, Федька.

– Она идёт, – уже прошипел Фёдка. – Прячься быстрее.

– Да кто она-то? – Велька завертел головой. – Да нет же никого кругом, ты перегрелся, что ли?

– Сам ты перегрелся, – огрызнулся Фёдка. – Вон она, на дороге, обернись, дубина.

Велька, решив припомнить Фёдке дубину потом, когда этот паразит из сирени вылезет, всё же обернулся. Посреди перекрёстка, в жарком полуденном мареве и пыли стояла маленькая, сгорбленная, чёрная фигурка.

– Кто это? – почему-то шёпотом спросил Велька, которому от неподвижности этой фигурки стало не по себе.

– Бабка-смерть.

– Кто? – изумился Велька и отчётливо понял, что Фёдка сошёл с ума. Велька хотел сказать Фёдке, что у него чердак поехал, но вспомнил, что их, сумасшедших этих, нельзя волновать. А то они буйные становятся, вон как Фёдка бился. Велька вдруг подумал, как плохо будет тёте Вале, Фёдкиной маме, когда она узнает о том, что сын у неё того. Велька лихорадочно соображал, как вытащить Фёдку из куста.

– Феденька, – самым сладким голосом, каким мог, позвал Велька. – Может... эта... тебе в дом зайти, или ты пить хочешь?

– Ты что, с ума сошёл? – спросили из сирени.

– Я... нет, – запнулся Велька.

– Она же меня увидит, когда я вылезать буду.

– А что это за бабка такая? – приторно продолжил Велька,

прикидывая, чем ещё помешанного Федьку поманить. Можно было, конечно, позвать деда, бабушку, они бы окружили сирень, чтобы Федька не удрал, а потом пришёл бы участковый Пётр Фомич и вынул бы этого ненормального. А ещё можно было бы поджечь сирень, тогда бы Федька сам выскочил. Но пока будешь звать-искать-окружать, он же заподозрит неладное и удерёт. А потом лови его по огородам.

– Это бабка, она на кладбище живёт, с косой ходит и чего-то бормочет под нос себе. Мы сами видели, идёт и под нос бу-бу, бу-бу, а коса здоровущая такая, так и блестит. Пацаны рассказывали, она ночью по селу ходит и в окна заглядывает. И где окно открыто, она того. Ай!

Куст затрясся.

– Ты чего там? – заволновался Велька и вытянул голову, пытаясь хоть что-то разглядеть.

– Мураши, блин. – Сирень зашуршала, из тёмной её зелени вынырнула растрёпанная голова. Федька остервенело почесал лопатку и продолжил:

– И кого увидит, того косой – чик! – провёл он поперёк шеи.

– Дурак ты, Федька, – в сердцах сказал Велька и залепил Федьке полновесный щелбан.

– Ах ты... я! – Оскорблённый до глубины души Федька свечой взвился, сжимая кулаки, но тут же изменился в лице и, охнув, упал обратно.

– Блин. Увидела, сюда идёт, – плачущим голосом возопил

он из глубины сирени. – Мамочки.

– Спокойно. – Велька сглотнул комок в горле. – Я тебя прикрою.

– Мы ж ей того, помешали, – задыхающимся шёпотом зачастил Федька. – Чтоб люди больше не помирали, мы ей ко-су и сломили.

– Как это сломили? – сразу и не понял Велька, глядя на приближающуюся фигурку.

– Обыкновенно, молотком, – пояснил Федька, затаённо почёсываясь. – Хрясь и того...

– Совсем сдурели?

– А что – пусть лучше люди помирают?

– Блин, давно я такого бреда не слышал, – разозлился Велька. – Вылезай, прощение просить будешь.

– Ты что, обалдел? – Федька от ужаса даже перестал чесаться. – Мне ж тогда хана. Не выдавай меня, Вель, не надо. Ну пожалуйста...

Бабка приближалась, а Велька стоял на месте. Умоляющий Федькин голос поколебал его решительные намерения, и теперь Велька не знал, что делать. Он не мог бросить Федьку в этих кустах один на один с неизвестностью, но и выдать его не мог.

Ему казалось, прошла вечность, пока старушка подошла к их двору.

– Зд-дравствуйте, – почему-то запинаясь, поздоровался Велька, когда сгорбленная бабушка в тёмно-синем платке и

глухом чёрном платье поравнялась с их калиткой.

— Косу вот сломили, — тихо сказала она и показала сто-
ченный обломок лезвия, зажатый в тёмной обветренной ла-
дони. — Малыцы.

— Ой, как плохо, бабушка, я даже и не знаю, кто бы это
мог сделать? — притворно ужаснулся Велька.

Старушка, не отвечая, поглядела на него. Сморщенное её
лицо ничего не выразило. Вельке показалось, что она не ви-
дит ни его, ни дрожащих над Федькой ветвей сирени, ни
звнящего цепью Кардамона, ни их дома, а смотрит куда-то
очень далеко.

— Ну ладно, — она вздохнула и пошла дальше, шаркая стоп-
тантными ботинками.

— Ну что? — из сирени вынырнула взъерошенная голова
Федьки. — Свалила она?

Велька глянул вослед сгорбленной спине, опоясанной
платком. Щёки его горели.

— Да, — сказал он. — Дурак ты, Федька. И кличку вы ей ду-
рацкую придумали — «бабка — смерть». Она же просто ста-
ренькая.

— Старенькая, да удаленькая, — почёсываясь, веско отме-
тил Федька. — Я на тебя погляжу, когда ты её встретишь, с
косой и на кладбище.

— Толай давай, — Велька вытянул из сирени сухой прутик
и выразительно посвистел над Федькиной головой.

— А то и пойду, — независимо пробурчал Федька, выбира-

ясь из сирени. – Подумаешь...

Он осторожно выглянул за забор и, никого не увидев, быстро стукнул калиткой.

– Ну, спасибо, что ли, – шмыгнул он носом на прощание. – Ты её, смотри, опасайся, она ведь с тобой говорила.

– Иди-иди, – Велька напутственно махнул прутиком, и Федька мигом скрылся с глаз.

Велька решил тоже прогуляться. Он прикрыл за собой калитку и, сшибая головы репейникам, пошёл по улице, пустынной и пыльной. Из головы не выходила «бабка-смерть», её шаркающая походка и руки – загрубелые и тёмные.

Мало-помалу он вышел за околицу. Дорога исчезала вдали меж жёлтыми гречишными полями, и где-то вверху, под самым солнцем, звенел жаворонок. Воздух тёк над ним прозрачной блистающей рекой, между белых громад кучевых облаков, и Велька, заглядевшись в небо, потерялся во времени. До ближней рощи ноги донесли его сами. И оттуда, из тени меж стволов, ему в глаза ударило ярким блеском. Велька подошёл, потрогал прутья ограды, горячие от солнца, и удивился – как его сюда занесло.

Он совсем забыл, что в этой роще было старое деревенское кладбище. На нём уже не хоронили, возили на новое – за бугром, куда Велька ещё не забрался. Он на старом-то был всего раз, однажды с бабушкой, на Родительскую субботу, когда приезжал на весенние каникулы. Бабушка тогда надела белый платок, и они долго стояли в церкви. В высо-

ком полутёмном зале толстый батюшка громко и непонятно пел басом и махал коробочкой с угольками. Сладкий дым от коробочки струился по тёмному воздуху, проплывал мимо тёмных икон, больше скрытых красноватым дрожанием свечей, чем высвеченных, и поднимался вверх, к сияющим узким прорезам окон над большой потушенной люстрой. Вельке хотелось подойти и потрогать эти прозрачные дрожащие пласты, но он держал свечку. Горячий парафин стекал ему на пальцы, но Велька терпел, потому что бабушка сказала, что в церкви нельзя ругаться, а надо терпеть. Потом он утешился – перехватил свечку ниже и начал катать шарики из остывающих потёков парафина.

После они шли за околицу, в рощу, нагоняя соседей с корзинками, накрытыми полотенцами, и бабушка долго сидела и что-то шептала у покосившегося обелиска с полустёршейся красной звездой.

Всё это разом вдруг ему вспомнилось. Велька огляделся – никого кругом не было. Он тихонько перелез через ограду, бочком протиснулся мимо могилы и, выйдя на дорожку, пошёл, посвистывая прутиком в воздухе.

Было тихо-тихо, золотые лучи отвесно пронизывали сумрак, и Велька постепенно наполнился той же тишиной, опустил прутик и уже медленно шёл по тропинке, как вдруг увидел – чёрная, страшная, сгорбленная тень, хищно поводя косой, упала на его пути. Дыхание у него перехватило, сердце суматошно затрепыхалось в груди, и Велька разом при-

помнил все рассказы про кладбища и мертвецов. В рассказах дело всегда происходило ночью, но оттого, что сейчас был день, Вельке стало ещё страшнее. Тень, взмахивая косой, со зловещим шарканьем и свистом приближалась, и ему показалось вдруг, что всё это происходит не с ним. Велька, обмирая от страха, стал медленно сползать по дереву. Удары сердца оглушали его и...

– Мама! – пискнул Велька, от ужаса жмурясь и заранее перестав дышать.

Старушка – «бабка-смерть», не замечая его, прошла мимо. Сгорбившись и подоткнув подол, она обошла могилку и продолжила обрубать сорняки обломком косы.

Велька открыл глаза и непонимающе посмотрел на неё. Собрав срубленные сорняки в густой веник и обметя им могилу, старушка присела возле креста и, обняв его, некоторое время сидела. Послеполуденное солнце обнимало её длинными лучами, и таким покоем повеяло на Вельку, что он замер, почти не дыша, и не двигался, пока, наконец, бабушка не встала, утёрла платком глаза, перекрестилась, поклонилась до земли перед могилой и, подхватив лезвие, побрела к выходу.

Спустя некоторое время Велька отклеился от дерева и пошёл к кресту. С выцветшей фотографии на него устало смотрел старик в неловко сидящем костюме. Перед ним лежал подсохший букетик полевых цветов и стояла стопка водки, накрытая кусочком хлеба. Велька положил свой прутик

у креста и пошёл к выходу.

Туалет у бабушки был удивительное место – маленький покосившийся домик с плоской крышей волнистого шифера. Давным-давно он был выкрашен синей краской, теперь выцветшей и запылённой. Велька поддевал её ногтем, и сухая ломкая пластинка тотчас отслаивалась и, кружась, падала наземь.

Внутри совсем не пахло туалетом: стоило только прикрыть за собой дверь, и в нос тут же пробирались васильковые, ромашковые, зверобойные, шалфейные и прочие, неизвестные Вельке, травяные запахи. Бабушка развешивала душистые пучки под потолком, и между ними вились тонкие нити паутин. Когда Велька был совсем маленьким, он думал, что там, в густой пахучей темноте, живут особые, совершенно травоядные пауки, которые не ловят мух, а паутины выют, потому что уж очень красиво получается.

Стены были скрыты до самого верха красивыми крышками от тортов и конфетных коробок, которые когда-то надарили бабушке с дедушкой, а на всю заднюю стену, заходя на боковые, горделиво раскинулась карта мира. Часто, забежав в туалет, Велька подолгу засиживался, рассматривая причудливые очертания материков, скользил пальцами по тугим изгибам меридианов, считал россыпи островов, и от чужих названий запинаясь и уставал язык.

География эта так его занимала, что Велька был готов часами просиживать в туалете.

Он сам, ещё до школьных уроков, догадался о тайной связи Южной Америки и Африки. Просто однажды заметил, как ровно друг в друга вкладываются края континентов. Пальцы его блуждали за кораблями греков из Средиземного моря в Чёрное и Красное моря, к варварам и фараонам. Оттолкнувшись от угла Испании, он следовал за Колумбом и терялся в россыпях названий островов и городов – Куба,

Гаити, Барбадос, Ямайка, Мехико, Гавана, Каракас...

К великому его сожалению, Южная Америка приходилась как раз на угол, и большую часть континента закрывал собой огромный моток ваты на капроновой верёвке. Вата висела для всяких нужд и всегда Вельку раздражала. Он отодвигал её и читал: «Амазонка, Рио-Гранде, Рио-де-Жанейро, Бразилия, Аргентина». Хуже всего был виден загадочный край Уругвай – он был под самой ватой, и как её ни отодвигай, полностью разглядеть далёкую южноамериканскую страну было нельзя.

Велька весь извёлся и совсем уже извертел несчастный моток, когда однажды ему пришла в голову гениальная идея, просто-таки заворотившая его.

Часто он отщипывал маленькие комки ваты и методично растрёпывал её так, что вата почти растворялась в воздухе – становилась лёгким, полным прозрачности клубком. Вдоволь налюбовавшись, как солнце пронизывает тонкие нити, он медленно чиркал спичкой и поджигал их. Пламя мгновенно охватывало комок: вспыхнув, он сгорал вмиг.

Велька частенько поглядывал на огромный моток ваты, и в нём постепенно зрела большая мысль. Настолько большая, что она заслонила все соображения о пожарной безопасности и подавила слабый голос благоразумия.

К тому же его невыразимо манил Уругвай. Казалось, если он устранил эту вату и полностью откроет карту, то Уругвай откроет ему все тайны мира. Велькой в тот миг двигал свя-

щенный трепет европейцев-первооткрывателей, которые когда-то обогнули весь земной шар, желая закрасить все белые пятна на карте мира. Для Вельки же таким белым пятном, «терра инкогнита» – таинственной землёй – был потаённый под ватой Уругвай.

Отчего-то идея просто снять моток ему и в голову тогда не пришла. Священный трепет и жажда географических открытий совсем опьянили ему голову.

И вот однажды, одним июльским утром, настал тот самый миг открытия. Незаметно стянув коробок спичек, когда бабушка ушла в кладовку, Велька шмыгнул к туалету.

Он осторожно закрыл за собой дверь на крючок и прислушался. Всё было как обычно: бабушка гремела кастрюлями на кухне, дедушка мерно стучал молоточком в гараже, а Полинка ещё и не просыпалась. Громче всех звуков был стук Велькиного сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.